

Глеб
и Ко

Юрий Ситников

ПО СЛЕДУ

НЕИЗВЕСТНОГО

ДЕЛО № 21

12+

Юрий Вячеславович Ситников

По следу неизвестного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66048005

SelfPub; 2021

Аннотация

В гости к Глебу и Люське приехала двоюродная сестра Федора – гипнолог-экстрасенс. Была бы Федора настоящим экстрасенсом, обязательно бы предвидела, что однажды утром в салоне ее машины без признаков жизни окажется известный телеведущий Вячеслав Владимирский.

Следователь подозревает, что Федора может быть причастна к убийству. Глеб, Люська, Алиса и Димон перевоплощаются в сыщиков. Похоже, каникулы будут жаркими...

Юрий Ситников

По следу неизвестного

Глава первая

Федора-Феодора

Не каждому нравится собственное имя. Моя двоюродная сестра Федора явный тому пример. Родители хотели мальчика, придумали ему имя – Фёдор, а когда вместо сына родилась дочь, решили назвать Федорой. В детстве Федора не особо парилась по этому поводу, в старших классах начала комплексовать. С лёгкой руки одноклассников она стала Федькой. Сама виновата. Фамилия у Федоры – Букашкина. А если полностью: Федора Фёдоровна Букашкина. Мощная смесь. До восьмого класса у неё была кликуха Букашка. Когда Федора взбунтовалась и потребовала, чтобы к ней обращались по имени, она навсегда стала Федькой.

Сама Федора представляется Феодорой. Вроде лишняя «о» прибавляет имени солидности. Не знаю, нам с Люськой нравится Федора. Феодора – явный перебор.

Два года назад, Федьке тогда исполнилось двадцать шесть, она вышла замуж. И по злему року превратилась в Федору Фёдоровну Федину. Мы с Люськой долго угорали, когда слышали фамилию нового родственника.

На прошлой неделе Федька приехала в Москву по делам.

По каким? Признаться, сам до конца не врубился, чем именно она занимается. Федька натура увлекающаяся. Окончив инженерно-строительный институт, она ни дня не работала по специальности. Получив диплом, отправила его пылиться на полку, сама занялась поисками призвания. Чем только Федька не увлекалась. Ходила на бухгалтерские курсы, брала уроки латиноамериканских танцев и флористики. Пробовала петь, выращивала вешенки, обучалась ораторскому искусству, занималась каратэ (и это несмотря на свой далеко не маленький вес). Успела сменить десяток рабочих мест и всё никак не могла найти себя.

И вдруг звонок. Приеду в ближайшие дни. Готовьтесь.

Мы с Люськой только посмеялись. Сколько раз Федька грозилась нагрянуть в гости, и всегда в самый последний момент поездка откладывалась.

– Гонит, – протянула Люська. – Хотела бы, давно приехала. Не так далеко из Твери до Москвы.

Я пожал плечами.

Утром в четверг меня разбудил настойчивый звонок в дверь. Люська, конечно, открывать не собиралась. Из вредности. Диана опять укатила на съёмки, мы с сестрой остались одни, Люська предложила открывать дверь и подходить к телефону по-очереди. День я, день она. Глупая затея, но я зачем-то согласился.

Сегодня мой день, значит, Люська из комнаты не выйдет. Одевшись, я выскочил в коридор. Люська стояла у зеркала.

– Самой влом дверь открыть?

– Ничего не знаю, не моя смена.

– Я тебе припомню.

– Хватит болтать, открывай уже, кому-то там не терпится.

Щелкнув замком, я рассмеялся.

– Федька!

– Глеб, я же просила, – обижено протянула Федора. – Обращайся ко мне Феодора.

– Федька, ты приехала, – закричала Люська, повиснув на шее Федоры-Феодоры.

– Обещала же. А вы что, не ждали меня?

– Ждали, – соврала Люська. – Но думали, ты в выходные заявишься.

Федора протянула мне пакет и подошла к зеркалу.

– Ребят, я похудела? Только честно.

– По-моему, поправились, – ляпнул я.

Люська толкнула меня локтем в бок.

– Пару килограммчиков точно скинула.

– Вот-вот, а Сашка говорит, набрала. Все вы, мужики, такие, – Федора погрозила мне пальцем и провела рукой по талии.

Точнее, по тому месту, где она должна располагаться. Федька с детства пухлая, на всех фотках, которые я видел, она напоминала девочку-шарик. Потом вроде похудела, но после двадцати снова набрала вес. Правда, он её не портит, Федьке действительно идёт полнота. Если бы она ещё умела

правильно подбирать одежду, и отказалась от слишком тесных джинс и кофт, было бы всё в шоколаде.

– Федька, чай, кофе? – засуетилась Люська.

– Феодора.

– Да, да, прости, Федь. Ой... Феодора. Тебе чай или кофе?

– Потом кофейку глотну, сейчас вещи занести надо.

– А где ты их оставила?

– Внизу.

– Блин, Федька, сопрут же.

Федора усмехнулась.

– Не бойсь, всё продумано. Идёмте.

На улице Федька подошла к новенькой иномарке, облоко-
тилась о капот и лениво зевнула.

– Зацените.

– Вау! Твоя тачка?

– А то.

– Ты не говорила, что машину купила.

– Недавно за рулём. Хотя права давно получила.

– Кто бы сомневался, – приснула Люська. – Не удивлюсь, если ты и комбайн водить умеешь.

Я подошёл к машине.

– Сашка на новую работу устроился?

– Почему ты так решил, Глеб?

– Машина твоя?

– Моя.

– Ну. Я так понимаю, тебе её купил Сашка...

– Размечтался. Сашка купит, от него дождёшься.

– Тогда кто?

– Сама купила.

Мы с Люськой засмеялись.

– Кончай прикалываться, Федька. Ты не работаешь.

– Кто вам сказал? Уже почти год должность высокую занимаю. Зарабатываю прилично, машину купила, ремонт в квартире сделали, сейчас обсуждаем вопрос, покупать ли Сашке мотоцикл.

– Себе тачку, а Сашке мотоцикл. Где справедливость?

– Пусть права сначала получит, – парировала Федька.

– Где хоть работаешь? – спросил я, до конца не веря Федьке на слово.

– Это допрос? Я с дороги, устала, как собака, а вы вопросами закидали. Дайте в себя прийти.

– Окей. Открывай багажник.

Вещей было столько, что у меня закралось подозрение, Федька переезжает к нам навсегда.

– Что в сумках?

– Вещи.

– Вижу, что вещи. Поконкретней можно?

– Одежда, обувь, мелочёвка всякая.

– Федюнь, а ты к нам надолго? – поинтересовалась Люська.

– Посмотрю по обстоятельствам. Думаю, до августа точно задержусь.

– Какое сегодня число? – шёпотом спросила у меня Люська.

– Первое июня.

– Не слабо.

– Да ладно тебе, сама говорила, что по Федьке соскучилась.

– А я разве против. Пусть хоть год целый живёт.

– Не накаркай, – шикнул я.

– А-а, вот мы и выяснили, кто из нас двоих вреднее.

– Бери лучше сумку, добрая фея.

– Ага, больше ничего не придумал? Сумки ты сам дотащишь, а я пакетик какой-нибудь возьму. Федь, дай мне что-нибудь полегче.

– Полегче? Так... Тимошку возьмешь?

– Это кто?

– Мой пусик, – Федора открыла заднюю дверцу и достала накрытую тканью небольшую клетку.

– Держи. Только аккуратно. Ткань пока не открывай. Тимошка от яркого света разнервничается.

– Там хомяк?

– Сама ты хомяк. Ой, Глеб, возьми другую сумку. Эту я понесу, – Федора подбежала ко мне, а Люська отошла чуть в сторону.

У Люськи отвратный характер. Если ей сказать, не пей из лужи, козлёнком станешь, она назло напьётся из лужи. Федора просила не открывать клетку, в Люське разыграло лю-

бопытство. Что значит, не открывать? Интересно же. Ничего Тимошке не сделается, она только посмотрит, одним взглядом.

Приподняв ткань, Люська вскрикнула. Оказалось, она держала не клетку, а маленький аквариум, по дну которого ползал огромный таракан. Надо ли говорить, что аквариум рухнул на асфальт, вдребезги разбившись.

С Федорой чуть истерика не случилась.

– Люська! Что ты наделала?! Тимоша... Он жив?

Люське не было дела до Тимошки, забежав на крыльцо, она вскочила на скамейку.

– Федька, ты сумасшедшая! Зачем таракана с собой возишь? Дави его скорее, а то уползёт!

– Жив, – Федора взяла в руки Тимошку и поцеловала его. – Не обращай внимания на Люську, она шутит. Мамочка тебя не раздавит.

– Глеб, она ненормальная.

– Это ты ненормальная. Никогда прежде мадагаскарских тараканов не видела?

– Представь себе, не приходилось с ними сталкиваться. У нас по квартире они не ползают.

– Паникёрша.

– Я тараканов боюсь до одури.

– Можно подумать, он тебя съест, – Федора поднялась на крыльцо. – Глеб, стой здесь, мы сейчас спустимся.

– Что ты собираешься делать? – Люська с ужасом смот-

рела на таракана. – Хочешь его в мусоропровод выбросить? Так лучше здесь оставь.

– Пошли! Дашь мне банку.

– Утопишь его в ней?

– Теперь из-за тебя придётся новый аквариум покупать.

– Федька, я не смогу жить в одной квартире с тараканом.

– Люсь, ёлки-палки, это даже не смешно. Посмотри на него, он маленький, безобидный.

– Убери! Федька, убери эту маленькую, безобидную гадость!

– Если ему нельзя остаться, тогда не останусь и я, – Федора посмотрела на Люську, потом перевела взгляд на меня.

– Люсь, не истери, – сказал я. – Квартира большая. Тимошка будет жить в комнате Федоры, ты его не увидишь.

– Забудешь о его существовании, – заверила Федора.

– Он не вылезет из аквариума? – с сомнением спросила Люська.

– Если ты его не разобьешь, нет.

– Ладно, чёрт с вами, пошли. Нет! Федька, стой. Сначала я поднимусь в квартиру, потом ты. Банку оставлю на полу в коридоре. Сажай туда своего уroda и сразу в комнату топай. Вторая дверь налево. Поняла?

– Как скажешь.

Когда с Тимошкой разобрались и занесли в квартиру вещи Федоры, Люська плюхнулась на стул.

– Время десять утра, а я уже выжата, как лимон.

– Напрасно из-за Тимошки нервничала. Пойми, мадагаскарский таракан считается экзотикой.

– Давно он у тебя?

– Восемь месяцев.

– А сколько они живут?

– В неволе могут дожить до пятилетнего возраста.

– Капец! Опять ты, Федька, отличилась. Всё у тебя ни как у людей. Завела бы черепашку или хомяка. На худой конец кролика. Но таракана...

– Мадагаскарского таракана, – в десятый раз поправила Люську Федора.

– Я ставлю кофе. Глеб, ты будешь?

– Да.

Потягивая кофе, Люська спросила:

– Почему ты назвала его Тимошкой?

– Прикольное имя.

– Для таракана не самое подходящее.

– Таракану пофиг, как его зовут, – усмехнулся я.

– А как, по-твоему, надо было назвать таракана? – пошла в наступление Федька.

– Не знаю. Скажем, Ужастик, Мерзунчик, Страхомордик...

– Но он Тимошка. Пусть хоть таракану с именем повезёт. Уж мне известно, как оно может жизнь испортить.

– Ты опять, Федь?

– Во-во! Федь. Федька. Федюня. Как только меня не на-

зывали. Ненавижу своё имя! Я тут решила его сменить, на работе отговорили.

– Правильно сделали. И потом, Федь, у тебя классное имя. Согласен, Глеб?

– Согласен.

– Во всём надо искать позитив. Ты прикинь, если бы тебя назвали Шахерезада. Было бы намного хуже. Шахерезада Фёдоровна Букашкина – жуть.

– Хватит издеваться.

– Федь, я ведь люблю.

– Трудно называть меня Феодора? – плаксиво спросила Федора.

– Нет, конечно.

– Тогда забудь Федьку. Обещаешь?

– Обещаю, Федюнь.

– Нет, имя надо менять. Я так больше не могу!

Видя, что Федора сейчас расплечется, я быстро спросил:

– Колись, где и кем работаешь?

– Да! – крикнула Люська. – Заинтриговала ты нас.

– Работаю в одной организации.

– И?

– Сначала окончила курсы, потом прошла подготовку и меня взяли.

– Федь, не ходи кругами. Кем работаешь?

Выдержав паузу, Федора выдала:

– Я гипнолог-экстрасенс.

Люська расхохоталась первой.

– Гипнолог-экстрасенс? Федька, пять балов! Круто отожгла. Глеб, слышал?

– Я правду сказала.

– Да ладно. Не верю я тебе.

– Это твоё дело.

– Подожди. – Я был ошарашен не меньше Люськи. – Хочешь сказать, на гипнолога и экстрасенса можно выучиться, посещая курсы?

– Я смогла.

– Впервые слышу, что учат на экстрасенсов. Мне казалось, экстрасенсорные способности или есть или их нет.

– Вот именно, – поддакнула Люська.

– Отстаньте от меня, – отмахнулась Федора. – Я приехала в Москву на семинар. Верите вы мне или нет, ваши проблемы. И вообще я хочу пойти в душ.

– Тогда торопись, сегодня у нас воду горячую отключают.

– Надолго?

– На десять дней.

Федора вышла из кухни.

– Глеб, что-то я не въехала, она на самом деле стала экстрасенсом или прикалывалась?

– По ходу, Федька говорила правду.

– Ты же понимаешь, это бред.

– Ко мне какие претензии?

– Экстрасенс Федора Федина. Ха-ха!

- Не кричи, она услышит.
- Не услышит, Федька уже в ванной воду включила.
- Какие у тебя планы на сегодня?
- Мы с Алиской хотели в магазин сходить.
- Значит, вернётесь только вечером?
- Почему сразу вечером. Одна нога здесь, другая там.
- Рассказывай. А то я не знаю ваши походы по магазинам.
- Тебе-то что? Димка сказал, вы сегодня собирались купить какие-то хреновины для скутера.
- Не хреновины, а запчасти.
- Вот и покупайте. А мы с Алиской сами разберёмся, куда нам идти и когда возвращаться.
- Ну-ну.
- Не ну-ну, – Люська выбежала в коридор. – Разнунукался тут.

Глава вторая

Попутчица

На следующий день мы отправились в зоомагазин за аквариумом для Тимошки. Я-то, наивный, думал, справимся часа за полтора – как бы ни так. Федора умудрилась забраковать аквариумы в трёх магазинах. Одни не подходили по размерам, другие по форме, третьи по Федькиной дурости.

– Какая твоему таракану разница, в каком аквариуме пугать людей? – злилась Люська. – Посмотри сюда. Чем плох аквариум? Глеб, зацени.

– Зачётный! Федор, покупай.

– Он какой-то не такой.

– Федька, не придирайся.

– Я не хочу пластиковый, – надула губы Федора.

– В первом магазине ты сказала, что не хочешь стеклянный. Глеб, она издевается над нами.

– Люся, не кричи. Хорошо, – Федора начала пристально рассматривать аквариум. Честное слово, смотрела так, словно сама собиралась в нём поселиться. – Покупаем.

– Наконец-то, – выдохнула Люська. – Не прошло и года. Федька, ты делаешь успехи.

– Не Федькай, – машинально сказала Федора. – Меня зовут Феодора.

– Иногда мне кажется, твоё имя Феодура, – прошептала Люська, топя к кассе.

В машине я сразу уткнулся в телефон, Люська слушала музыку, Федора с нами разговаривала, не подозревая, что мы увлечены своими делами и слушаем её вполуха.

– Глеб, Люся! – крикнула она.

Я оторвал взгляд от экрана.

– Ты чего, Федь?

– Вы оглохли? Девушка голосует, может, подвезём?

Мы посмотрели в окно. Хрупкая блондинка в ярко-жёлтом сарафане, отчаянно пыталась остановить машину. Желающих взять попутчицу не было. Скорее всего, виной тому багаж: три больших коробки, стоявшие возле фонарного

столба.

– Я бы не стала рисковать, – призналась Люська. – Кто знает, что в коробках. Вдруг взрывное устройство.

– Глупости. Ребят, я остановлюсь.

– Ты уже остановилась, – засмеялся я.

– Вечно тебе больше всех надо, Федька, – ворчала Люська.

Опустив стекло, Федора спросила:

– Тебе куда?

– Здесь езды от силы минут десять, – обречённо проговорила девушка. – Никто не берёт. Говорят, овчинка выделки не стоит.

– Могла бы такси вызвать, – продолжала бурчать Люська. – Сейчас это не проблема. Хоть на соседнюю улицу перевезут.

– Люсь, тихо, – шикнул я.

– Садись, – сказала Федора.

– Так, – девушка задумалась. – У меня ещё одна проблема.

Как бы коробки поместить в салон.

– Начинается, – Люська закатила глаза.

Я вышел из машины.

– Две коробки в багажник войдут, третья на заднее сидение влезет.

– Что ты?! Коробки нельзя в багажник. Вдруг сломаются. Давайте попытаемся все коробки разместить на сидении.

– В принципе можно попробовать.

– Глеб, – Люська выскочила из салона и стукнула себя

пальцем по правому виску. – Включи мозги! На заднем сидении два человека, три коробки туда не влезут.

– А должны влезть, – сказала девушка.

– Может, тебе легче самосвал тормознуть.

– Люсь, не горячись. У меня большая машина. Все поместимся. Глеб, давай, неси коробку.

– Только осторожно! Не урони.

Одна коробка влезла, вторая с трудом.

– Теперь я сяду, – суежилась девушка, – и возьму коробку на колени.

– Вот и отлично.

– Для меня места не осталось, – сказала Люська.

– Втиснешься как-нибудь.

Люська втиснулась. Но с таким лицом, что страшно сделалось даже мне.

Когда машина сорвалась с места, девушка представилась.

– Иветта.

– Феодора, – быстро прокричала Федька, словно опасаясь, что кто-нибудь произнесёт её настоящее имя.

– Я Глеб. А там, придавленная коробками, сидит Люська.

– Сам ты придавленный, – послышался недовольный голос. – Что у тебя в коробках, Иветта?

– Куклы.

– Куклы?

– Везу их на выставку матери. Мама занимается изготовлением кукол.

– А что за выставка?

– Если у вас есть время, можете заглянуть. Мы рассчитывали, будет наплыв посетителей, а по факту за день от силы человек десять. Походят, и уходят ни с чем. Выставка открыта неделю, мы ничего не продали. Одни убытки.

– Так вы их продаёте?

– Уже да. Мама начала коллекционировать кукол двадцать пять лет назад, набралась приличная коллекция – около двухсот экземпляров. Потом сама занялась изготовлением. Накупила всевозможных прибамбасов: специальную печь для обжига, формы для отлива деталей, фарфор, полимерную глину, кисти, краски и началось. – Иветта насупилась. – Если бы не материальные трудности, коллекция продолжала бы пополняться. На свой страх и риск арендовали помещение, организовали выставку, а толку никакого.

– Можно делать кукол на заказ, – сказала Люська.

– Делает и на заказ. Недавно одна клиентка заказала куклу фарфоровую. Мать спала по три часа в сутки, а как деньги получила, почти всё на новую печь истратила. Она бешеных денег стоит, и электроэнергии жрёт немерено. Влетит нам в копеечку наша выставка. Я пыталась мать отговорить – бесполезно. Вбила в голову, что люди раскупят кукол в два счёта и всё – хоть кричи. На одной аренде разориться можно. Ой... мы чуть не проехали поворот. Притормози у того здания.

Федора остановилась у двухэтажного дома, на металлической двери которого красовалась жалкая табличка: «Выстав-

ка кукол».

Вытащив коробки, Иветта посмотрела на часы.

– Мама меня убьёт. Пойдёмте.

– Глеб, на фига мы тащимся на выставку кукол?

– Тебе неинтересно?

– Представь себе, нет.

– А я хочу посмотреть.

– Надо было дома остаться. Сначала зоомагазины с аквариумами, теперь куклы.

Поднявшись по ступенькам, мы оказались на тёмной площадке. Толкнув, дверь Иветта крикнула:

– Мам, я приехала.

Я осмотрелся. Просторное помещение напоминало кукольный театр. Выстроившиеся вдоль стен стеллажи были заставлены самыми разнообразными куклами. У входа полусидел высокий Арлекин, глядя на которого мне вспомнилась Баба-яга. Выражение лица злобное: длинный нос, недобрые глазки, тонкие губы.

– Жутковатый персонаж, – усмехнулась Иветта. – Этого монстра матери привезла подруга из Швейцарии. Я когда его увидела, чуть в обморок не рухнула.

– Взгляд пугающий, – согласилась Федора.

– Не говори, а ночью вообще оторопь берёт. Кажется, что уродец оживёт.

Послышался стук каблуков. В зал прошла низкорослая женщина лет пятидесяти.

– Иветта, дочка, сколько можно ждать? Я прям вся извелась. Почему на звонки не отвечала?

– Мам, я телефон дома оставила.

– Представляешь, приходил посетитель, ему приглянулась «Эльза», но не устроили размеры. Я просила дождаться твоего прихода, хотела показать «Анну», но он торопился. Обещал заехать завтра. А где коробки?

– Мама, познакомься. Феодора, Глеб и Люся.

– Очень приятно. Кельберг Марика Карловна.

– Вы немка? – спросила Люська.

– Обрусевшая. Бабка с дедом перебрались в Россию ещё до начала Первой мировой.

– Красивая, – крикнула Федора, разглядывая фарфоровую куклу. – Сколько она стоит?

– Федька, ты собралась куклу купить?

– А что, она мне симпатична.

Марика Карловна подошла к стеллажу.

– Четыреста долларов.

– Ого!

– Поверьте, если бы я продавала собственные работы через клуб, цена подскочила бы до двух тысяч. А так, она уценена до безобразия.

Федора почесала подбородок, задумалась.

– Неудивительно, что торговля не идёт, – сказала мне Люська. – Цены-то кусаются.

– Дороговато, – протянула Федора.

Марика Карловна колебалась.

– Триста вас устроит?

– Покупаю.

Марика Карловна кивнула дочери.

– Веточка, упакуй в розовую коробку.

– Будет сделано, – Иветта скрылась за стеллажом.

Пока Марика Карловна рассказывала мне о фарфоровом господине по имени Пьер, Люська отвела Федору в сторону и зашептала:

– Ты на самом деле настолько разбогатела, что можешь выбросить на ветер триста баксов?

– Почему на ветер, я покупаю куклу.

– Зачем она тебе?

– Нравится.

– Помниться, раньше ты не транжирила деньги.

– Люсь, то было раньше. Многое изменилось. Я поняла, деньги необходимо тратить. Чем больше отдаёшь, тем больше получаешь.

– Но триста долларов за куклу. Федька, это безумие!

– На свои деньги покупаю, не на чужие, – парировала Федора.

Подойдя к Марике Карловне, она спросила:

– Делать кукол сложно?

– Не говорите, что легко, – крикнула Люська. – Иначе Федька прямо с выставки отправится за печкой.

Марика Карловна рассмеялась.

– Любая работа в той или иной мере сложная. Если подойти к процессу творчески, со временем сложности превращаются в удовольствие. Когда я жила в Мюнхене, знакомая моей подруги фрау Вурдинг научила меня работать с фарфором. Так сказать, вдохнула в меня любовь к творению кукол. – Марика Карловна поправила перстень на указательном пальце и, не глядя на дочь, попросила: – Иветта, принеси «Клару».

– Но, мама!

– Я хочу показать своего первенца.

Иветта вышла.

– Иветта считает затею с открытием выставки грандиозным провалом. Поживём, увидим.

– У моей подруги есть кукла, которая умеет ходить, – ляпнула Федора. – Клянусь! Сама видела, так бы не поверила. Стоит на полке, но каждый раз перемещается на несколько сантиметров то вправо, то влево.

Марика Карловна закивала.

– И в моей коллекции есть такие куклы.

Люська хохотнула.

– Что, тоже ходят?

– Иногда, – на полном серьёзе ответила мать Иветты.

Люська кашлянула и внимательно посмотрела на Марику Карловну. Что-то в её взгляде ей не понравилось.

– Куклы, как и люди, видят, слышат, чувствуют. Если хозяин их устраивает, они ведут себя мирно, но стоит им разо-

злиться – пиши, пропало.

Люська поёжилась. У нас в коридоре весит тряпичный Петрушка. Страшный, как смерть. Его после спектакля подарила Диане поклонница. Так вот, я давно заметил странность, стоит пройти мимо и отвесить ехидную шутку по поводу внешнего вида Петрушки, он обязательно свалится вниз. Не сразу. Но когда спустя время, выйдешь в коридор, увидишь на полу Петрушку. Диана шутит, мол, он так злится, выказывает своё неудовольствие. Мне в принципе по барабану, злится он или нет, падает случайно или специально, а Люська Петрушку побаивается. Делает ему лживые комплименты, называет красавчиком, втайне мечтая его сжечь, а пепел развеять над ближайшей помойкой. Хорошая она у нас.

Иветта вернулась, держа в руках «Клару» – тридцатисантиметровую куклу с русой косой и лукавыми ярко-зелёными глазами.

– Все говорят, первый блин комом, а моя Клара получилась красавицей. Правда, прелесть?

Люська сказала мне, что пора отсюда сваливать. Я не возражал.

Дома Федора водрузила куклу на комод и занялась Тимошкой. Люська колдовала у плиты, я решил посидеть за компом. Не прошло и минуты, из коридора послышалось знакомое «бряк». Я вышел из комнаты. Петрушка лежал на полу.

Люська заявила, ему пришлось не по душе соседство с но-

вой куклой.

– Это знак! Федька, Петрушка не принимает твою куклу.

– И что делать?

– Глеб, не молчи.

– Меня ваши кукольные дела не интересуют. Я есть хочу.

Скоро готово будет?

– Полчаса потерпи.

Федора подошла к Петрушке.

– Ты это... – заговорила она полупшепотом. – Не злись.

– Познакомь его с куклой. Пусть вместе посидят на диване, может, понравятся друг другу.

Федька посадила кукол на спинку дивана, сама вышла из гостиной, плотно закрыв дверь.

Глава третья

Незапланированный ремонт

Вечером Люська предложила переехать на несколько дней за город к родителям.

– Без горячей воды дома измена. Ненавижу мыться в тазиках – каменный век.

Федора от поездки отказалась.

– Я остаюсь. Семинары проходят недалеко от дома, из области неудобно добираться.

– Можно как-нибудь поприсутствовать на ваших семинарах, Федь?

– Могу поинтересоваться.

– Нет, чтобы сказать, конечно, Люся, приезжай, всегда рады тебя видеть. Поинтересоваться она может. Глеб, я звоню Димке и Алиске, попытаюсь сагитировать их на поездку.

– Хорошо.

Димон согласился сразу, Алиса, как обычно, колебалась, но в итоге согласилась.

– Отлично, утром стартанём.

– Родителям звонила?

– Да. Мама отдыхает на море, папа сказал, послезавтра в командировку срывается. Будем тусить одни.

– Нормально, – кивнул я.

В загородном доме родителей, едва мы приехали и накинулись на еду, будто не ели целую неделю, Люська начала фонтанировать идеями.

– Киснуть здесь я не собираюсь. Надо составить план мероприятий. У кого какие идеи?

– Я за шашлык, – сказал Димон.

– Поддерживаю.

Люська скривилась.

– Глеб, Дим, шашлык это мелко. Шашлык мы в любое время можем сделать. Я имела в виду нечто грандиозное.

– Типа экстремального времяпрепровождения?

– Ну да.

– Я бы в Третьяковку ходила. Сто лет там не была.

– Алис, ау, какая Третьяковка?! Вы мыслите не в том направлении. Лето, каникулы, мы одни в большом доме. Да-

вайте, соображайте быстрее.

– Мне в голову ничего не лезет, – Алиса пожала плечами и посмотрела на меня. – Скоро в школе актёрского мастерства играем спектакль. У меня главная роль, думаю только об этом.

– Актриса, блин. Вечно приходится за всех решать, – Люська начала выхаживать взад-вперёд.

Ближе к вечеру, мы с Димоном купили мясо и собирались делать шашлыки, Люська выдала:

– Есть идея! Забабахаем небольшой ремонтик в моей спальне.

– Только не это.

– Глеб, там ужасные обои, какие-то цветочки-лепесточки, занавески отстойные, потолок белый...

– А какой он должен быть, Люсь?

– Дим, белый потолок – пережиток прошлого. Мне больше нравится, скажем, зелёный.

– Терпеть не могу заниматься ремонтом, – Алиска оторвалась от своего сценария и призналась: – Текст так трудно запоминается. Глеб, порепетируешь со мной?

– Ты уже спрашивала. Конечно, помогу.

– Значит, решено, – Люська хлопнула в ладоши. – Все меня поддержали и завтра утром принимаемся за работу.

– Никто ещё не сказал да.

– На ремонт уйдёт дня три, не больше.

– Мечтать не вредно.

– Перетащим мебель, – Люська никого не слышала, она находилась на своей волне. – Сдерём старые обои, и дело в шляпе.

Прошло три дня. За это время мы вытащили из комнаты мебель и с большим трудом отодрали от стен обои. Я всё на свете проклял, когда понял, под чем подписался. Обои породнились со стенами настолько, что отдирались нехотя, по маленьким кусочкам. Приходилось смачивать водой небольшие участки стен, ждать, когда обои набухнут и соскабливать их всеми подручными средствами. Люська орудовала шпателем, я вооружился ножом. Димон сказал, ему удобнее всего справляться маленькой металлической линейкой.

Алиса пыталась нам помочь, но быстро сдулась. Она думала о предстоящем спектакле, ремонт интересовал её меньше всего, к тому же от запаха мокрых обоев непрестанно чихала и шмыгала носом.

Люська сама поняла, что капитально попала с ремонтом комнаты, но держала лицо, бодрилась, говорила, самое трудное позади, впереди делов на пару-тройку дней.

Федора звонила каждый день. Иногда по несколько раз. Главным образом делилась новостями. Сегодня, мы грунтовали стены перед оклейкой обоями, Люська сообщила:

– С Федькой разговаривала. Опять Петрушка на пол упал. Она в панике, чуть не плачет.

– Пусть не вешает его, не будет падать.

– Я ей говорю, ты же экстрасенс, неужели разобраться в

ситуации не можешь.

– А она? – засмеялся Димон.

– Бормочет что-то. Ой, с Федькой не соскучишься. – Дим, куда ты так густо грунтовкой мажешь.

– Мажу, как надо. Чего его Федора сказала?

– Она с бабой Машей познакомилась.

– О-о! – протянул я. – Капец!

– Я ей о том же сказала. Кто знакомится с бабой Машей, тому не позавидуешь. Взяла Федьку в оборот. Уже и в поликлинику мотались на машине, в магазин, сегодня на кладбище поехали.

– Вляпалась Федька.

Мы заканчивали с грунтовкой, когда в комнату вошла Алиса. Выдержав паузу, она сказала:

– Я всё обдумала и пришла к выводу, что нам необходимо расстаться. Отношения зашли в тупик. Я уйду!

Мы, мягко говоря, офонарели. Первым в себя пришёл Димон.

– Алис, не понял юмора.

– Я достоверно произнесла фразу, ребят?

– Чёрт! – выкрикнула Люська. – Предупреждать надо.

– Никак не удаётся подобрать нужную интонацию.

– Не заморачивайся, отыграешь ты свой спектакль. Ещё на бис вызовут.

– Я тебе поверил, – сказал я. – Говорила ты убедительно.

– А если скажу по-другому, – Алиса вышла, потопталась в

коридоре и снова толкнула дверь: – Я всё обдумала и пришла к выводу, что нам необходимо расстаться. Отношения зашли в тупик. Я ухожу!

– Не вижу разницы, – Димон сел на подоконник. – То же самое сказала.

– Но с другой интонацией. Я сделала акцент на последней фразе.

– Да? Чё-то я не заметил.

– Или, может, сказать так, – Алиска выдохнула и проговорила скороговоркой: – Я всё обдумала и пришла к выводу...

– Подожди, Алис, – перебила Люська. – Не легче ли сказать «Вы меня достали, я сматываю удочки».

– Люсь!

– А что, коротко и ясно. Краткость – сестра таланта. Вам об этом в школе актёрского мастерства не говорили?

– И всё-таки я буду придерживаться текста.

– Как с вами сложно, с актрисами.

– Никакая я не актриса. Я бездарность, – у Алиски увлажнились глаза. – Не могу произнести простую фразу. Я откажусь от участия в спектакле.

– Приехали. Алиска, кончай депрессировать.

– Не идёт у меня роль.

– Соберись.

– Пробовала, не получается. Такое впечатление, я упустила важную деталь. Не могу поймать атмосферу.

– Хочешь дельный совет? – спросила Люська.

– От тебя дельный совет? – не сдержался я. – Не смехи.

– Алиска, тебе надо разозлиться. Выйти из себя. Как там ваш Станиславский писал, вроде актёру, чтобы хорошо сыграть, необходимо вызвать внутреннюю истерию.

– Ты путаешь.

– Нет! Накрути себя. Доведи до кондиции. Представь, что у Глеба появилась девушка, с которой он встречается втайне от тебя. Говорит ей о любви, пятое, десятое. А у тебя рога ветвятся на голове. Помнишь, как в детской песенке: «У оленя дом большой, он глядит в своё окно». А у тебя рога большие. Изменяет тебе Глеб! Поняла? Во-о-от такущие рога вымахали, – Люська развела руки в стороны. – Ну как, Алис, поймала нужную атмосферу?

Алиска, после всего услышанного, вытаращила глаза. Я был возмущён не меньше. Димон продолжал грунтовать стену.

– Разок пройдуся и харе, – спокойно сказал он.

– Глеб, чего ты на меня уставился? – глупо заулыбалась Люська.

– У оленя, может быть, дом и большой, – процедил я. – А у тебя мозгов совсем нет.

– Какие мы восприимчивые. Им помогаешь, так ещё и крайней сделали. Я умываю руки.

Алиса хлопнула дверью. Я вышел следом.

– Хм-м, – Люська подошла к Димону и закатила глаза. – Пусть понервничает, актёрам это полезно. Я читала. Кстати,

тебе повезло, что я не актриса. А то мучила бы тебя всякой ерундистикой. Красиво ли я села, правильно ли встала? Ой, Димка, мне кажется, я фальшиво моргнула правым глазом.

Чуть погодя я вернулся в Люськину комнату.

– Успокоил?

– Вроде да. В следующий раз думай, прежде чем сказать.

– Отвяжись. Никогда не понимала актёрских переживаний. Создают сами себе проблемы на ровном месте. Какая разница, как произнесла фразу, в зале всё равно не придадут этому значения.

– Странно слышать такое от внучки народной артистки.

– Глеб, без обид, но ты знаешь моё мнение, актёрами не становятся, а рождаются. Таланту нельзя научиться.

– Потихше говори, хочешь, чтобы Алиска услышала? Она и так на взводе.

– А разве я не права? Вот чего она привязалась к фразе? Интонация, акцент... Фигня! Надо уметь импровизировать. Не можешь подобрать нужную интонацию, переделай фразу под себя и шпарь. Я в шестом классе играла царицу в школьном спектакле «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях». Забывала текст, импровизировала. На «Ура» спектакль прошёл.

– Да уж, – засмеялся я. – Отлично помню тот спектакль. Ты с умным видом несла околесицу со сцены, тебя были готовы убить.

– Не убили же, – Люська прошлась по комнате. – А дело

движется. Стены загрунтованы, завтра можно клеить обои.

– Сначала надо их купить.

– С потолком что делать, Люсь? – Димон почесал затылок и добавил: – Влом его перекрашивать. Может, оставить белым?

Люське, успевшая устать от ремонта, согласилась.

– На сегодня всё. Давайте шашлычки забацаем.

– Ненормальная, – сказал я, когда Люська выскочила из комнаты.

– Глебыч, а что она на спектакле в шестом классе отожгла?

– Много чего. Помнишь момент, когда царица с зеркалом разговаривает?

– А то. Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи: я ль на свете всех милее, всех румяней и белее.

– Люську переклинило, она слова перепутала. Вместо этого лягнула, я ль на свете всех тупее.

– И?

– Одноклассница, которая за кулисами озвучивала зеркало, за словом в карман не полезла. Ответила, что Люська, то есть, царица, всех тупее.

– Прикол.

– Люська вспыхнула. Ей уже не до спектакля было. Глядя в зеркало, проорала: «Ах ты, тощая коза! Кривоногая королева!». Пререкались они долго, пока за кулисами кто-то не догадался заткнуть зеркалу рот.

Димон засмеялся и лениво потянулся.

– Глебыч, я в душ и шашлыком займусь.

Я пошёл к себе в комнату, но помыться не успел, позвонила Федора, сообщив, что не может открыть входную дверь. Замок заедает. Пришлось рулить в город. Дверь я открыл, выслушал жалобы Федоры по поводу Петрушки, предложил ломануться со мной за город. Она снова отказалась.

Назад я вернулся, когда от шашлыка остались одни воспоминания.

– Не могли оставить пару кусочков?

– Садись. Пару кусочков, – передразнила Люська. – Целый шампур оставили.

– Другое дело.

В начале двенадцатого меня разморило. Сказав, что устал, я, под неодобрительные возгласы Люськи, отправился на боковую. Заснул сразу, не подозревая, что утром раздастся тревожный звонок.

Глава четвёртая

За рулём

Резкий звонок в дверь заставил Федору вздрогнуть. Десять утра. Надо бы встать, посмотреть, кто пришёл. Но вспомнив, что она в гостях, а, следовательно, не обязана никого пускать, Федора перевернулась на спину и потянулась. Ночью снились кошмары, выспаться толком не удалось. Ставший ненавистным Петрушка вторгался в каждое сновидение, превращая их, то в триллер, то в мистику.

Звонок повторился. Федора поморщилась. Что за люди? Если не открыли сразу, зачем продолжать звонить?

Встав с кровати и накинув на плечи халат, Федора вышла в коридор. Петрушка валялся на полу. Федька отскочила в сторону.

– Чур меня! – проговорила она.

Посмотрев в глазок, Федора застонала. За дверью стояла баба Маша. Измена! Приставучая старуха никак теперь от неё не отвяжешься. Зря Федора, по доброте душевной, предложила помочь бабе Маше донести до квартиры сумки. Слово за слово и пять минут спустя, Федора стала для бабы Маши Федорушкой, лапушкой и сдобной булочкой. Это означало одно, впереди сдобную булочку ждёт весёлое соседство.

Распахнув дверь, Федька выдавила улыбку.

– Доброе утро.

– Здравствуй, солнышко. Я тебя не разбудила?

– Н-нет.

– Оладушек испекла. Дай, думаю, Федорушке отнесу. Горячие ещё. Ставь чайник.

Федора поплелась на кухню, баба Маша вышагивала сзади.

– Представляешь, хватилась, муки нет. Пришлось в магазин идти.

– Угу, – кивала Федора.

– Сегодня жарко будет, парит на улице.

– Ага.

– Ой, самое главное не спросила, – баба Маша хохотнула и тронула Федору за плечо. – Кто к тебе вчера приходил?

– Ко мне? Никто.

Баба Маша понимающе закивала.

– Дело молодое, я ж не осуждаю.

– Баб Маш, вы о чём говорите?

– Не о чём, а о ком. В машине твоей кто сидит? – баба Маша склонила голову набок.

– Кто?!

– Меня спрашиваешь?

– Вас! – крикнула Федора.

Баба Маша нахмурила седые брови.

– Так мне откуда знать? Я думала, твой гость там храпака даёт.

– Какого ещё храпака, – вышла из себя Федора. – Нормально объясните, что происходит?!

– Мужчина в твоей машине сидит. В руль вцепился, а сам спит.

– Вы машины, наверное, спутали.

Баба Маша подошла к окну.

– Крайняя твоя?

– Да.

– В ней и сидит.

Федора сглотнула и начала растирать шею.

– Баба Маша, я никому не давала ключи. Мне не по себе.

– Мать честная! Как же он там оказался? Одевайся, спу-

СТИМЯСЯ ВНИЗ.

– Да... я сейчас... быстро, – Федора метнулась в комнату, натянула сарафан и выскочила на лестничную площадку.

– Федорушка, меня подожди, – кричала баба Маша.

На улице Федора подбежала к машине. На водительском месте действительно сидел незнакомый мужчина.

– Что я говорила, – шептала баба Маша.

– Я его не знаю, – тоже шёпотом ответила Федора.

– В машине-то он как очутился?

– Понятия не имею.

Баба Маша постучала костяшками пальцев по стеклу.

– Эй, молодой-красивый, просыпайся.

– Тише, баб Маш.

Когда Федора открыла дверцу, левая рука мужчины соскользнула с руля, вытянувшись вдоль тела.

– Баб Маш, это же Вячеслав Владимирский! – Федора не верила глазам.

– Кто?

– Вячеслав... – она осеклась, заметив на шее мужчины след от удавки. – Господи, он мёртвый...

Федора села на корточки.

Неправдоподобно, нереально, наверное, она ещё спит, ей снится кошмар. Как известный телеведущий Владимирский мог оказаться в её машине? Не просто оказаться, а сидеть за рулём... задушенным. Может быть, это розыгрыш? Сейчас Вячеслав откроет глаза, вытрет с губ грим, улыбнётся и,

откинув со лба прядь каштановых волос, скажет, что Федора стала жертвой розыгрыша. Но нет. Телеведущий не шевелился.

У машины стали собираться люди.

– Полицию вызывайте!

– Надо позвонить Глебу, – сказала Федора, окинув собравшихся взглядом побитой собаки.

Дальнейшие события она помнит с трудом. Приехала полиция, начались вопросы.

– Чья машина?

– Моя.

– Что произошло?

– Не знаю, – мотала головой Федора, ища поддержки. – Баба Маша, расскажите им.

Баба Маша говорила путано и не по существу. Когда капитан предложил Федоре подняться в квартиру, она расплакалась. И снова вопросы, много вопросов.

– Значит, машина принадлежит вам?

– Да.

– Документы можно посмотреть?

– Сейчас, – Федора рванула в коридор.

– Вы были знакомы с покойным? – крикнул вслед капитан.

– Разумеется, я его знала.

– В каких отношениях вы состояли?

– С кем?

– С трупом.

– Ни в каких отношениях я с ним не состояла. Увидела его впервые.

– Секунду назад вы утверждали обратное.

– Да поймите, в моей машине сидит Вячеслав Владимирский. Популярный телеведущий. Я видела его каждую неделю по телевизору. А живьём только сегодня. Нет, что я говорю... он был мёртв.

– Как Владимирский оказался в салоне вашей машины?

– Понятия не имею. Это невероятно!

– Ключи от машины кому-нибудь давали?

– Нет.

Вопросы, паузы, подозрения...

...Мы с Люськой приехали домой через час. Наше появление придало Федоре уверенности. Вцепившись мёртвой хваткой в Люську, она не отходила от неё ни на шаг.

День выдался тяжёлым. Ближе к вечеру, оставшись в квартире втроём, я попросил Федору рассказать всё с самого начала.

– Глеб, только не сегодня. Я еле на ногах стою. Ни о чём меня не спрашивайте. Ничего не знаю!

– Оставь её, Глеб, – сказала Люська. – Пусть в себя придёт.

– Вячеслав Владимирский убит в Федькиной машине.

Люсь, это жость.

– Бомба! Завтра все газеты раструбят.

– Газеты... Включи комп, инет, наверное, уже взорвался.

– Федьке машину вернут?

– Конечно.

– Ездить на неё она уже вряд ли сможет.

– Почему?

– А сам не догадываешься? На водительском месте сидел труп. – Люська поёжилась. – Я бы не смогла себя пересилить.

– Да ну, предрассудки.

– Если ты такой твердолобый и пуленепробиваемый, это ещё ни о чём не говорит.

– Ладно, не наезжай.

Люська села за стол, подперев голову руками.

– Нормально каникулы начались, ничего не скажешь.

Несколько дней Федора практически безвылазно просидела в комнате. Её два раза вызывали к следователю, где она повторяла, что с Владимирским лично знакома не была, плакала, доказывая свою непричастность к убийству ведущего. Следователь верил, но, как говорится, доверяй и проверяй.

Сегодня Федора закрылась в комнате, наотрез отказавшись от еды.

– Объявила головку? – спросил Димон.

Мы сидели на кухне. Я пил чай, Люська с Димоном кофе с бутербродами, Алиса ограничилась стаканом сока. Как все актрисы (настоящие и будущие) она постоянно сидела на всевозможных диетах – следила за весом. Съеденный бутерброд приравнивался к центнеру картофеля, поэтому, чтобы

не соблазняться, Алиса предпочла стоять у окна. Не видя, как мы уничтожаем бутерброды, чувствовала себя комфортней.

– Федоре надо поесть.

– Я не ослышалась, – засмеялась Люська. – Алиска, это ты сказала или твой двойник?

– А что такого?

– Ничего, просто ты всегда на стороне тех, кто питается воздухом.

– Неправда!

– Только не спорь. Далеко ходить не надо, мы едим, ты делаешь вид, что тебе интересно таращиться в окно.

– Зря, кстати, Алиска от бутеров отказалась, – сказал с набитым ртом Димон. – С колбасой классные получились, а с рыбой вообще улёт.

– Белый хлеб калорийный. Его бесполезность для организма давно доказана. К тому же сливочного масла много на хлебе. Чистый холестерин.

– О вреде белого хлеба ты погорячилась, – Димон взял очередной бутерброд.

– Я смотрела передачу...

– Алис, не начинай излюбленную тему. Знаю я эти передачи, говорят и сами себе не верят. Их послушать, так жрать вообще ничего нельзя. Всё вредно, ненатурально, концергенно. А мне плевать, я бутеры уважаю. Люське респект, она умеет их готовить.

– Да, я такая, – лыбилась Люська. – Но Алиска права, Федьке нельзя уморить себя голодом. Алис, о чём задумалась?

– Пытаюсь понять, как Владимирский попал в машину Федоры?

– Положили его туда, – сказал я.

– Кто и зачем?

– Гм, определись с конкретным вопросом. На первый я ответил, на два других ответа нет.

– Глеб, что значит, положили? Машина была закрыта.

– С этим как раз у знающих людей проблем не возникнет, – Димон подошёл к плите, взял турку. – Кофейку ещё хочу.

– Дим, – допытывалась Алиса. – Поясни.

– Открыть дверь любой тачки для профи – пара пустяков.

– Допустим. Но зачем вообще Владимирского посадили в чужую машину? Не проще ли было оставить тело на улице? На тротуаре, в кустах, рядом с машиной.

– Убийца решил порезвиться, – сказала Люська, оттолкнув Димона от плиты. – Сядь, сама приготовлю. Говорила же тебе, щепотку соли надо насыпать после кипения, а не до.

Димон сел за стол.

– Ребят, вас сейчас больше интересуют кофе и бутерброды?

– Алис, иди сюда, – я подождал, пока она сядет мне на колени и, обняв её за талию, сказал: – Мы обсуждали этот

вопрос три дня подряд. Выдвигали всевозможные версии, и не до чего не додумались. Нет смысла начинать сначала. Владимирского задушили, потом преступник открыл машину Фёдки, посадил его на сидение и сделал ноги. Всё!

– Логика нет.

– Согласен. Но таковы факты.

– А главное, зацепится не за что, – Люська поставила перед Димоном чашку кофе.

– Спасибо, Люсь. А бутер сделаешь?

– Сейчас бутербродов натрескаешься, аппетит перед обедом перебьёшь.

– Ты меня первый день знаешь, что ли? Сделай один маленький, а.

– Глеб, что происходит? – спросила Алиса. – Создаётся впечатление, вы специально при мне не хотите разговаривать о Владимирском. Ребят, я права?

Тишина.

– Дим.

– Чего? – он прикинулся дурачком.

– Люсь!

– Я занята, я делаю бутеры для Димки и Федоры.

– Глеб, значит, я права?

– Алис, мы тут решили... Ты только не пойми неправильно...но...

– Ёперный театр! – Люська упёрла руки в бока. – Сидит, мямлит. Раз она догадалась, надо сказать прямо. Алиска, си-

туация следующая. У тебя скоро спектакль, тебе надо подготовиться, сосредоточиться на атмосфере, войти в образ и прочие ваши актёрские заморочки. Глупо грузить тебя убийством Владимирского. Согласись.

– Вы что-то замышляете?

– Хотим прощупать почву.

– Без меня!

– Но у тебя спектакль.

– Одно другому не мешает. Я думала, мы команда. Глеб, как вы могли устранить меня?

– Не устранить, а временно отстранить, – поправила её Люська. – Оберегаем тебя, ты у нас натура творческая, ранимая.

– Так вот зарубите себе на носу, – Алиса схватила предназначавшейся Димону бутерброд и откусила от него большой кусок. – Во-первых, я в деле! Во-вторых, оберегать меня не надо! В-третьих...

– Вкусный бутербродик? – спросила Люська.

– Вкусный.

– Ещё сделать?

Алиса пожала плечами.

– Нет... Или сделай... Только без хлеба и масла.

– Может, просто колбасу понюхаешь? Шучу я, Алис. Она совсем шуток не понимает.

Взяв поднос, Люська пошла к Федоре. Толкнула дверь. Закрыто.

– Федь, открой.

– Зачем?

– Я поесть тебе принесла.

– Не буду.

– Федька, надо поговорить.

– Нет настроения.

– Ты объявила голодовку?

– Мне кусок в горло не лезет.

– Заставь себя.

– Не сейчас.

– Так и будем через дверь переговариваться?

– Ты всё равно боишься сюда заходить. Здесь Тимошка.

– Я себя пересилю, тем более он в аквариуме.

– Нет. Я держу его в руках.

Люська скривилась.

– Клади своего экзота обратно и открывай дверь.

Прошло минуты две, прежде чем Федора щёлкнула замком.

– Проходи.

– Федька, есть разговор.

– Люсь, нет...

– Подожди, не перебивай. Это касается твоей работы. Сама сказала, ты теперь экстрасенс.

– Гипнолог-экстрасенс.

– Пусть так. У меня вопрос на засыпку, если ты обладаешь экстрасенсорными способностями, неужели не можешь

узнать, как и кто убил Владимирского.

– Нет, конечно.

– Тогда просвети меня, неандерталку, чем занимаешься у себя на работе?

– Помогаю людям решать их проблемы.

– Каким образом?

– Разными.

– Федь, давай начистоту. Ты ведь не экстрасенс. Да, знаю, ходила на курсы, училась, слушала лекции, но пойми, этого недостаточно, чтобы стать специалистом.

– Банально рассуждаешь.

– Докажи обратное.

– Я в депрессии, в таком состоянии ничего не получится.

– А меня загипнотизировать сможешь ради прикола? Не сейчас, потом.

– По-твоему, с гипнозом шутят?

– И всё-таки?

– Подумаю.

– Ха! Ловлю на слове. И кончай хандрить, Федька. Сидя взаперти, ты себе не поможешь. Лучше вливайся в нашу компанию. Мы хотим узнать правду, займёмся расследованием убийства Вячеслава Владимирского. Ты можешь быть полезна.

– Чем, Люсь?

– Иметь в подручных гипнолога-экстрасенса огромное преимущество.

– Издеваешься?

– Немного, – Люська обняла Федору и прошептала: – Ты всегда была лёгкая на подъём. Федь, взбодрись.

– Какой из меня детектив, я тебя умоляю.

– Детектив-любитель.

– Да ну.

– Соглашайся, Федька. Будешь на подхвате. А?

Федора колебалась.

– Посильную помощь окажу, только вряд ли из вашей за-теи выйдет толк. Извини, но из вас детективы, как из меня...

– Гипнолог-экстрасенс? – перебила Люська.

Федора вскочила, подбежала к аквариуму и сверкнула глазами.

– Считаю до трёх и достаю Тимошку. Раз...

– Меня уже нет, – Люська вышла в коридор.

Ей удалось разозлить Федору – неоспоримый плюс. Что-бы вытащить человека из депрессии необходимо хорошенько его встряхнуть. От встряски мысли переключаются и запускается механизм восстановления.

Глава пятая

Внезапная атака

Федора продолжала хандрить. Вбила себе в голову, что убийство Владимирского могут повесить на неё, замкнулась окончательно. Пропустила семинар, сославшись на плохое самочувствие, обложила сладостями (аппетит всё-таки

проснулся) и сидела перед телевизором. Страдала.

Мы пытались её расшевелить, вытащить на улицу, погулять по городу – тщетно. Затворничество Федоры разбавляла баба Маша, она приходила каждый день, приносила блинчики, пирожки, печенье, пила с Федорой чай, пересказывала местные сплетни, смакуя убийство Вячеслава Владимирского. Эта тема была наиглавнейшей. Начиная с новостей мало-значительных, баба Маша в конце обязательно наступала на большую мозоль.

Сегодня вечером, закрыв за бабой Машей дверь, Федора прошла по пустой квартире, открыла холодильник, многозначительно посмотрела на упаковку пирожных. Съесть или нет?

Звонок помешал взять пирожное. Полагая, что вернулась баба Маша, она вечно забывала, то очки, то ключи, Федора посмотрела в глазок. На площадке стояла молодая девушка.

– Кто?

– Открой, увидишь, – последовал ответ.

– Кто вам нужен?

– Ты нужна! Открывай, сволочь!

Оскорбившись, Федора распахнула дверь.

Хрупкая блондинка, на вид она была года на три младше Федоры, решительно прошла в прихожую.

– Куда прёшь, – прикрикнула Федора.

– Я тебя сейчас на тот свет отправлю! Если от ареста отмазалась, от меня не уйдёшь, – девушка вцепилась Федоре

В ВОЛОСЫ.

– Пусти, больно!

– Лучше молчи!

Пытаясь схватить буйно помешанную за руку, Федора не удержалась на ногах, упала на пол.

– Помогите...

– Не ори, а то придушу!

Федька прошлась ногтями по щеке своей обидчицы.

– А-а-а! Дура! – девушка залепила Федоре пощечину и надавила той на сонную артерию.

Мобилизовав силы, Федора сжала зубы на запястье соперницы.

Девушка взвыла.

– Разожми зубы!

Федора нащупала левой рукой Люськин кроссовок, и с размаху заехала им девушке по лицу.

– Гадина! Ты меня покалечила, – девушка закрыла лицо руками и разрыдалась.

Федора вскочила на ноги. Опасаясь, что неадекватная гостя снова набросится на неё с кулаками, она не спешила избавляться от кроссовка.

Девушка продолжала сидеть на полу, глотая слёзы.

– Кретинка! Дрянь! – выкрикивала она между всхлипами.

– Вставай! – скомандовала Федора.

– Ты мне челюсть свернула.

– Не ври.

– Правда!

– Ты первая начала. Зачем ворвалась в квартиру?

– Чтобы на тебя, идиотку, посмотреть.

– Посмотрела? Теперь поднимайся.

– Мне трудно говорить, рот болит и щека...

Федора осторожно опустила на корточки.

– Убери руку, дай посмотрю на щёку.

– Пошла ты!

– Если обещаешь вести себя смирно, я обработаю раны.

– Отвали, сказала!

– Тогда сама сваливай, – разозлилась Федора. – Нечего прихожку своей кровью пачкать.

В этот момент мы с Люськой вышли из лифта. Увидели приоткрытую дверь, услышали голоса, насторожились.

– Федька! – крикнула Люська, рванув вперёд.

Девушка, при виде нас, попыталась встать.

– Что произошло, Федька?

– У этой ненормальной спросите. Ворвалась, набросилась на меня, избила.

– Я избила?! Кто мне кроссовкой по скуле зафигачил? Все зубы шатаются.

– Не преувеличивай.

– Толстозадая корова.

– Помолчи.

– И руку искусала, как псина подзаборная.

– Слушай, закрой рот и прекрати меня оскорблять.

– Ты случайно не бешенная? Мне уколы не нужно делать?

– Бешенная! – сорвалась на крик Федора. – И если сейчас не заткнешься, ногу откушу.

– Глеб, – спросила Люська. – Тебе не кажется, что мы здесь лишние?

– Типа того.

– Федь, кто это?

– Не знаю.

– Кто ты? – Люська помогла девушке подняться.

– Конь в пальто! Где у вас ванная комната?

– Я провожу.

Десять минут спустя, когда на запястье была наложена повязка, а ссадины на щеке и скуле обработаны йодом, Люська кивнула:

– В принципе всё. Жить будешь.

– Если через неделю лицо не придёт в норму, – сказала девушка, выйдя из ванной, – я её собственноручно придушу.

– Или снова по морде получишь, – парировала Федора.

– Стерва!

– Сама стерва!

Девушка хотела открыть сумочку, но реакция Федоры была мгновенной.

– Отдай!

– Федька, ты чего, – крикнул я.

Федора выхватила сумочку и секунду спустя достала газовый баллончик.

– Видели? Я сразу догадалась, эта дрянь просто так отсюда не уйдёт.

– Не-е, – протянула Люська. – Баллончик уже перебор. Я тебе раны обработала, а ты Федьку покалечить собиралась. Глеб, закрой дверь, я вызываю полицию.

– Давно пора, – сказала Федора.

– Вызывайте, – хорохорилась девушка. – Полиция не поможет. Я с ней всё равно разберусь, сухой она из воды не выйдет.

– Можешь, наконец, объяснить, в чём дело? – меня стала бесить недосказанность. – Кто ты такая?

– Лидия, – она посмотрела на Федору. – Моё имя тебе ничего не говорит?

– Абсолютно.

– Лидия Владимирская!

Федора охнула, Люська раскрыла рот и сжала мне руку.

– Владимирская? – переспросил я.

– Я дочь Вячеслава Владимирского, которого ты, убийца, задушила.

– Неправда! – замотала головой Федора. – К смерти твоего отца я непричастна.

– Следователь сказал, его обнаружили в твоей тачке. У Анжелки есть твой адрес, я видела её записную книжку. Она вас выследила.

Люська облокотилась о стену.

– Ничего не понимаю. Какая книжка? Почему в ней наш

адрес?

– И кто такая Анжела? – спросил я.

Лида облизала пересохшие губы.

– Я хочу пить.

– Проходи на кухню.

Усадив Лиду за стол, Люська поставила перед ней бутылку минералки.

– Я не пью воду с газами, – брезгливо поморщилась Владимирская.

– Могу предложить из-под крана. Извини, но кипячёной нет.

– Ладно, сойдёт.

Дождавшись пока она напьётся, Люська зачастила:

– Лида, здесь определённо произошла ошибка. Если обещаешь не перебивать, Федька в подробностях расскажет, как обнаружила труп твоего отца.

– Какой Федька?

– Она.

– Я, – кивнула Федора.

– Почему Федька?

– Долго объяснять. Федь, расскажи, что произошло в тот день.

– Не поверю я ей. Сочинит красивую сказку, себя белой и пушистой выставит.

– Нет. Я скажу правду.

– Окей, валяй.

Заламывая пальцы, Федора, в который раз была вынуждена пересказать события недельной давности. Когда она замолчала, Лида недоверчиво протянула:

– Ты писательница?

– Нет.

– Складно заливаешь.

– Не веришь?

Лида дотронулась до щеки.

– А адрес? Ведь Анжелка за вами следила.

– За кем следила?

– За тобой и отцом. Вы были любовниками, встречались в этой квартире два-три раза в неделю.

– Дурдом! Я видела Вячеслава Владимирского только по телевизору. Я вообще не в Москве живу.

– Как?

– Так.

– Федька у нас в гостях, – Люська вышла из кухни, вернувшись с фотографией Дианы. – Знаешь, кто это?

– Знаю. Актриса. Диана.

– Ты находишься в её квартире. Мы с Глебом внуки Дианы. Кстати, она была знакома с твоим отцом, пару раз снималась в его передаче.

Лида переводила взгляд с меня на Люську и обратно.

– А Федька... Федора – наша сестра. Приехала погостить.

Врубилась теперь?

– Ничего не понимаю.

– Поэтому предлагаю разобраться. Для начала скажи, кто такая Анжела?

– Моя мачеха, вторая жена отца.

– И наш адрес ты нашла в её записной книжке?

– Нет, ваши координаты узнала от полиции. Сразу вспомнила, что название улицы и дома совпадают с записями Анжелы.

– Мы не одни в доме живём, – сказал я. – Номер квартиры и подъезда в книжке мачехи совпадают с нашими?

– Какая разница? К чему ты клонишь?

– Ответь.

– Там только улица и дом, номера квартиры не было.

– Вот! – Люська заходила по кухне. – По-моему я начинаю кое-что соображать. У твоего отца была любовница – раз. Она живёт в нашем доме, возможно, в нашем подъезде – два.

– А дальше?

– Пока всё.

– Почему ты решила, что к убийству отца причастна его любовница?

– Больше никому.

– А мачеха? – спросила Люська. – она вела за ними слежку, запросто могла...

– Перестань, – перебила Лида. – Анжелка хоть и идиотка, но на убийство не способна. Тем более, у неё алиби, она в ту ночь дома дрыхла.

Помолчав, Лида спросила:

– Где тогда искать его любовницу?

– Вопрос адресуй мачехе. Кстати, на чём Вячеслав Александрович передвигался по городу?

– На такси.

– Машины у него не было?

– Нет. Водить он не любил, а ездить с шофёром не желал. – Лида зевнула. – Ой... я поеду, – она вскочила из-за стола, уронив бутылку с недопитой водой.

– Подожди, надо кое-что выяснить.

– Не сейчас, – Лида подбежала к двери.

– Лида, постой.

– Чего ещё?

– Оставь свой домашний адрес, – попросила Люська.

– Зачем?

– Нам необходимо поговорить в более спокойной обстановке.

Лида спешно написала на газете адрес и пулей вылетела на лестничную площадку.

– Ты сама на машине? – крикнула Люська.

– Меня внизу шофёр ждёт.

Мы примкнули к окну. Лида выбежала из подъезда, села в чёрную иномарку. Машина сразу тронулась с места.

– С чего вдруг она так стремительно рванула домой? Странная девка.

– И опасная, – сказала Федора. – Какой погром в прихожей устроила.

– Зато у нас появились первые зацепки. Проживающая в нашем доме любовница Владимирского, и ревнивая жена, время от времени занимающаяся слезкой.

– Глеб, Люсь, я тут подумала... Решила вам помогать. Примите?

– Уже приняли. Глеб, будь другом, принеси пылесос. Федь, я ликвидирую беспорядок, а ты чайник поставь. И не кисни. Новое расследование объявляю открытым!

Глава шестая

Соседка

Сегодня пятница, тринадцатое – день, как известно, тяжёлый. Вот и мой скутер отказывался заводиться, пришлось возиться с ним во дворе, попутно выслушивая советы проходивших мимо умников.

– Выкрути свечу, Глеб. Проверь.

– Электрод от нагара зачистить надо, Глеб.

– Наверняка закисление контактов, Глеб.

После очередного совета, Димон выругался.

– Глебыч, зря мы здесь возимся. Достали уже!

– Не обращай внимания. Предлагаю снять карбюратор и посмотреть фильтр, может, его прочистить надо.

– Давай.

– Глеб, Димка, привет.

К нам подошла Тоня, соседка с пятого этажа.

– Привет, Тонь.

– Не фурычит? – она кивнула на скутер.

– Только давай сразу договоримся, – сказал Димон, вытерев руки о тряпку. – Ничего советовать ты не будешь?

– Я и не собиралась. Зря вы здесь разложились, сейчас дождь пойдёт.

– Успеем, – буркнул Димон, сев на корточки.

Тоня хотела уйти, но увидев, что из подъезда вышли Люська с Федорой, остановилась.

– Глеб, – крикнула Люська. – Мы к Алиске. Вас ждать?

– Не знаю. Скутер тормозит.

– Значит, это надолго. Привет, Тонь.

– Откуда у тебя синяк под глазом? – спросила Тоня у Федоры.

– Неудачно вылезала из ванной, – Федора подошла к своей машине, дотронулась до дверцы, стукнула ногой по колесу.

– Уже вернули?

– Да. Правда, не уверена, что смогу на ней ездить. Чехол точно придётся покупать новый. Как представляю, что на нём сидел... – Федора сглотнула.

– Я поняла, можешь не продолжать. – Тоня сочувственно кивнула. – Газеты читали?

Люська поморщилась.

– Журналисты перевернули всё вверх дном. Им же нужен взрыв, сенсация! Вчера прочитала в инете, что, оказывается, Владимирского той ночью видели в наших краях. Якобы он пил пиво в компании двух мужчин.

– Одна статейка хлеще другой.

– Я не исключаю возможности, что он мог пропустить баночку...

– Да не пил Славка пиво! – выкрикнула Тоня. – Он его на дух не переносил.

Федора схватила Тоню за локоть.

– Как это понимать?

Тоня отвернулась.

– Так и понимай.

Люська щёлкнула пальцами.

– Обалдеть! Выходит, ты и есть та самая девица?!

– Что значит, девица? Я была его любимой женщиной.

Люська потащила Тоню в подъезд.

– Что ты делаешь, Люсь. Пусти!

– Надо поговорить. Поднимемся к нам.

– Вы куда? – удивился Димон.

– Никуда! Продолжайте разбирать на детали свой драндулет.

В лифте Федора усмехнулась.

– Получается, по твоей милости я вынуждена с синяком под глазом ходить? К нам приезжала Лидия Владимировская.

– Лидка?

– Да, Лидка, – передразнила Люська. – Решив, что Федька любовница её отца, она накинулась на неё с кулаками.

Тоня молчала. В Люськиной комнате она села в кресло, продолжая изображать глухонемую.

– Тонь, долго будем в молчанку играть?

– А что говорить?

– Действительно, поговорить нам не о чем. Может, о погоде поболтаем?

– Не ёрничай.

– Тогда не тяни резину. Почему ты не рассказала полиции, что Владимирский приезжал к тебе?

– Ты рядом с машиной стояла, – сказала Федора. – Я помню.

– Ну стояла, я не отрицаю. Знаешь, в каком состоянии я была, дышать боялась. Когда Славу увидела, земля из-под ног ушла. Я ведь хотела всё рассказать, но испугалась. Меня бы подозревать начали.

– И решила перевести стрелку на Федору?

– А тебя допрашивали?

– Представь себе. Следователь уверен, что Владимирского задушила я.

– Прости.

– Твоё прости мне не поможет. Выкладывай, где и как ты умудрилась с ним познакомиться?

– Случайно столкнулись в аэропорту два года назад. Я мать провожала, Слава приятеля. Попросила у него автограф, он расписался, слово за слово... Телефонами обменялись.

– Банально, – протянула Люська.

– Ой, ладно тебе. Тоже мне, знаток в амурных делах. Если

хотите знать, я первая ему позвонила. Да, первая! И не считаю это ошибкой. Слава был моим мужчиной, я о таком всегда мечтала. До него мне одни козлы попадались. То Лёшка, шикававший на мою зарплату, то Мишка, который за год знакомства один раз сводил меня в ресторан, а потом полгода ныл, что за один вечер истратил целое состояние. Одни жлобы кругом, за копейку удавятся. Пригласят на ужин, а сами сидят, подсчитывают, на какую сумму ты наела, и как бы потом потактичнее намекнуть, что платить придётся поровну.

– Не с теми знакомишься, – сказала Люська. – Димке на меня никогда денег не жалко.

– Сравнила. Вам по пятнадцать, малы ещё. Лет через десять поговорим, посмотрим, как твой Димка изменится.

– Не каркай.

– Это жизнь.

– Знаешь, – вспыхнула Люська. – Если пошла такая пьянка, то мне не влом и самой за себя заплатить.

– Ты максималистка.

– И что?!

– А то. Женщине приятно, когда мужчина её оберегает, заботится, потакает в мелочах. Я тоже могу за себя заплатить, но приятней, когда это делает он.

– Куда вас занесло? – спросила Федора. – Тоня, про Владимирского рассказывай .

– Слава не был мелочным. С ним я почувствовала себя

желанной и любимой. Он меня называл – моя девочка.

– Скажи, девочка, а ты знала, что у твоего мальчика есть законная жена? – хмыкнула Люська.

– Он любил меня, а Анжелка истеричка.

– Вы знакомы?

– Видела её фотографию у Славы в бумажнике.

– Ты по фотке определила, что жена истеричка?

– Она ему звонила через каждые десять минут, визжала в трубку.

– Расскажи о вашем последнем вечере.

– Вечер, как вечер. Ничего особенного.

– Во сколько он приехал?

– Около одиннадцати.

– А назад стартанул когда?

– Без пятнадцати три. Я хотела ему такси вызвать, Слава сказал, что поймает попутку.

– Его поведение тебя не насторожило? Может, он нервничал или был чем-то взволнован?

– Нет. Мне кажется, Слава мог стать жертвой грабителей.

– Отпадает. У него на мизинце был перстень, грабители не могли не заметить.

– Тогда кто?

– По словам Лиды, Анжела за вами следила.

Тоня вздрогнула.

– Не может быть!

– У неё в книжке записан номер нашего дома и название

улицы. Как считаешь, Тонь, она способна на убийство?

– Вопрос не по адресу.

– Лида говорила, мачеха и мухи не обидит.

– Лидка редкостная эгоистка! Слава из-за неё сидеть на-
чать раньше времени. А после похищения...

– Какого похищения?

– Лидку похищали. В те дни мне на Славика смотреть
страшно было. Почернел, постарел, думала, у него сердце не
выдержит.

– Можно поподробней, Тонь?

– Он приехал ко мне после новогодних праздников. С по-
рога ошаршил – Лидка пропала. Второй день дома не появ-
лялась. Ему сказала, что уехала с друзьями, а утром подруга
позвонила, интересовалась, как Лида себя чувствует. Друзья
неделю её не видели.

– В полицию сообщили?

– Не успел он.

– То есть?

– Славе позвонили похитители. Сказали, Лида у них. По-
требовали выкуп – сто тысяч долларов.

– Ого! – Федора покосилась на Люську. – Можно я Ти-
мошку возьму? Когда нервничаю, он меня успокаивает.

– Не вздумай!

– Кто это? – удивилась Тоня.

– Мадагаскарская гадость.

– Не гадость, а таракан.

– Покажешь? – попросила Тоня.

– Пошли.

– Вы офонарели? – Люська сорвалась на крик. – Тонь, сначала договорим, потом можешь хоть селфи с тараканом сделать.

– Вечером Славе снова позвонили, дали поговорить с Лидой. Она стонала в трубку, плакала.

– Деньги у него были?

– Да. Назвали деревню, то ли «Пашутино», то ли «Машутино», не помню...

– Забей на название, Тонь.

– Там заброшенный дом, деньги Слава оставил в духовке на кухне. После этого я не видела его пять дней. Звонила – он не брал трубку. Я с ума сходила, не знала, что думать. – Тоня засмеялась. – Когда приехал, всё встало на места. Друг Славы Олег Антипов, он в охранном агентстве работает, снабдил его мини-камерой. Слава установил её напротив плиты. Ночью Лида вернулась домой. Рыдала, изображала жертву похитителей. Аферистка! Знаете, что запечатлела камера? За деньгами приехал парень в компании Лидки. Вот такой фокус-покус с похищением. Повторяю, Лида эгоистка. У неё всё есть, а похищение она устроила не ради денег. Ради острых ощущений. Идиотка!

– Как разрулилась ситуация?

– Слава человек мягкий, отходчивый. Позлился и забыл.

– Деньги хоть вернула?

– Вернула.

– Тонь, у Владимирского были друзья?

– Олег. Хороший мужик, юморной, душа компании. С

Олегом Слава меня сразу познакомил.

– Где он живет, знаешь?

– По-моему в Братеево или в Люблино. У меня есть номер его телефона.

– Диктуй.

– Зачем тебе Олег понадобился?

– Мы с тобой не подруги, а сколько информации я от тебя узнала. А Антипов друг Вячеслава, из этого следует...

– Что следует?

– Друзья в курсе дел друг друга. Возможно, разговор с Олегом натолкнёт нас на стоящую мысль. Не смотри на меня так. Мы решили провести маленькое расследование. Думаешь приятно, когда твою сестру подозревают в совершении преступления?

Тоня достала телефон.

– Звякну Олегу.

Тоня сказала Антипову, что её знакомая, Федора, та самая, в машине которой обнаружили Владимирского, хочет с ним встретиться.

– Зачем ты Федьку назвала?

– Люсь, без обид, но с тобой Олег вряд ли будет откровенничать.

– Намекаешь, не доросла ещё до взрослых разговоров?

– Типа того.

– Хм! Что он сказал?

– Олег сегодня уезжает, вернётся через неделю. Запиши его номер. – Продиктовав телефон, Тоня вздохнула. – Невезучая я в плане любви. В кои-то веки отмерили мне кусочек счастья, и тот отняли.

– Тонь, какие твои годы, встретишь ещё мужчину.

– Слава обещал на мне жениться. Мечтал, чтобы я родила ему сына.

– А жену он куда собирался деть, отправить на Луну?

– Зачем на Луну, с женой можно развестись.

– Наивная, – сказала Федора. – Подобными обещаньями часто кормят любовниц.

– Славик не разбрасывался словами, он не трепач. И будь уверена, не случись несчастья, в скором времени я стала бы Антониной Владимировой.

– Не будем спорить.

– Ты обещала таракана показать.

– Только дверь плотно закрывайте, – поморщилась Люська. – Что за извращения тарачиться на всякую мерзость.

Пока Федора хвасталась Тимошкой, Люська позвонила Димону.

– Дим, вы ещё долго там?

– Почти разобрались.

– Есть новости. Закругляйтесь. Я Алиске звоню.

Теперь, когда выяснилось, к кому приезжал Вячеслав Вла-

димирский, версия, что ведущего задушила любовница, рассыпалась, как карточный домик. Одним подозреваемым стало меньше.

Через полчаса мы собрались у Алиски. Она осталась дома с младшей сестрой, а идти к нам вместе с Дашкой не захотела. Стали разрабатывать план дальнейших действий.

– Две дорожки у нас есть, – говорила Люська. – Семья Владимирского и Олег Антипов.

– Что ты планируешь выяснить у вдовы?

– Поговорим, узнаем.

– Она может на порог тебя не пустить.

– А может и за стол пригласить, и чаем напоить. Не пробуем, не узнаем.

– Представляю, в каком она сейчас состоянии. Анжела душевно истощена, – сказала Алиса.

Люська сложила руки на груди.

– Душевно истощена? Ты опять говоришь словами из роли?

– Фраза подошла по смыслу. По-твоему, я не права?

– Не знаю, истощена она или нет, но в моём списке подозреваемых Анжела стоит на первом месте.

– С какой стати?

– Алис, она жена. Владимирский ей изменял, Анжела его ревновала, следила и... В кино жён всегда подозревают.

– Глупости ты говоришь.

– И я сомневаюсь, что Анжела причастна к смерти мужа.

– Глеб, я её не обвиняю, но сбрасывать со счетов вдову не стоит.

– Проверим. Что нам ещё известного про Владимировского?

– Только то, что пишут о нём в прессе. Скандалы, сплетни, слухи. Как у любого публичного человека, у Вячеслава было много врагов. В шоу-бизнесе такое не редкость. Кстати, я ни разу не натыкалась на новости, где бы писали о его бурной личной жизни. Даже не знала, что он женат второй раз.

– Его первая жена умерла, – сказала Алиса. – Я в Интернете про него инфу посмотрела. Конечно, много, лжи, но есть и интересные моменты.

– Например?

– Вячеслав был склонен к полноте, все знали, что он постоянно сидел на диете...

– Это у них в крови, – приснула Люська. – Ты тоже, когда станешь звездой, будешь подсчитывать калории. Хотя ты уже этим занимаешься.

– Люсь, дай я договорю.

– Извини, Алис.

– В прошлом году он сильно поправился, вес перевалил за сто килограмм. А спустя несколько месяцев Владимирский появился на публике похудевший. Сбросил около тридцати килограмм.

– Блин, Алис, я думала, ты на самом деле интересное что-то скажешь. При чём здесь его вес? Знаем мы, как они с ним

борются. Наедят щёки и бока на тусовках, потом на липосакцию бегут. Жир откачают, процедуры омолаживающие делают и – хоп! – снова молодые и красивые.

– Я о другом. Вдруг он был болен и похудел из-за болезни?

– А что, – пожал плечами Димон. – Вполне возможно.

– Ну и дальше, Дим? Как это связано с его убийством?

Нет, в другом направлении думать надо. К тому же, если бы Вячеслав болел, Тонька была бы в курсе.

В комнату забежала Дашка.

– Алис, тебя к телефону.

– Скажи, пусть перезвонят.

– Это твой Илюша звонит.

Я напрягся. Люська с Димоном вопросительно переглянулись. Алиса надула щёки и выдохнула.

– Я тебе говорила, он не мой. И не Илюша, а Илья.

– Мне больше нравится имя Илюша.

– Алис, я не понял, кто тебе звонит?

– Глеб, мы с Ильёй играем в спектакле.

– А почему он твой?

– У Дашки спроси. Я его своим не называла.

Дашка начала оправдываться.

– Он часто Алисе звонит, они долго болтают по телефону, мама даже злиться начинает.

– Выйди из комнаты! – прикрикнула Алиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.